

Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia von Georg
Busolt. Band III. Teil I: Die Pentenontaeie. Gotha. 1897 (XXII+592).

Вотъ уже скоро 20 лѣтъ, какъ Бузольтъ работаетъ надъ своею „Греческою исторіею“. Въ 1885 г. появился I томъ ея, въ которомъ изложеніе было доведено до греко-персидскихъ войнъ, а въ 1888 г. — II томъ, обнимающій періодъ борьбы съ персами и „Пятидесятилѣтія“, до начала Пелопоннесской войны; въ последнемъ, III-мъ томъ авторъ предполагалъ довести изло-

женіе до Херонейской битвы и этимъ закончить. Но прежде чѣмъ трудъ былъ законченъ, понадобилось новое изданіе уже вышедшихъ томовъ. Бузольтъ принялся за коренную переработку ихъ, и въ 1893 г. вышелъ I томъ въ новомъ изданіи, въ 1895 г. — II-й, а въ 1897 г. — III-й. Бузольтъ внесъ тутъ немало измѣненій и дополненій; онъ воспользовался новыми изслѣдованіями и богатымъ новымъ матеріаломъ; стоитъ только вспомнить объ открытіяхъ за послѣдніе годы и о находкѣ таковаго источника, какъ Аристотелевъ трактатъ объ аѣинской политіи. Такимъ образомъ, „Греческая исторія“ Бузольта въ новомъ изданіи явилась какъ бы въ совершенно новомъ видѣ, а ея объемъ значительно разросся. На изложеніе исторіи Греціи до Пелопоннесской войны вмѣсто прежнихъ 2 книгъ понадобилось цѣлыхъ 3. Изъ I-го тома пришлось выдѣлить всю исторію Аттики и отнести ее ко II-му; въ то время какъ въ первомъ изданіи II-й томъ обнималъ исторію Греціи отъ іонійскаго возстанія до начала Пелопоннесской войны, въ новой переработкѣ во II-мъ томѣ изложеніе заканчивается отраженіемъ Персовъ; исторія „Пятидесятилѣтія“, блестящаго промежутка между отраженіемъ Персовъ и началомъ Пелопоннесской войны, занимавшая раньше лишь половину II тома, всего около 300 стр., теперь составила цѣлую обширную книгу почти въ 600 стр., какъ I-ю часть III тома, вторая часть котораго, по плану Бузольта, должна будетъ заключать въ себѣ окончаніе, что едва ли однако исполнимо.

Эта исторія Пятидесятилѣтія; которой собственно и посвящается настоящая замѣтка, подобно другимъ отдѣламъ, значительно передѣлана и дополнена. Въ началѣ книги помѣщена хронологическая таблица; прибавленъ цѣлый параграфъ о концѣ тиранніи и о демократіи у западныхъ грековъ; включенъ отдѣлъ о Перикловыхъ постройкахъ и о Фидіи. Параграфъ объ окончаніи войнъ съ персами и о тридцатилѣтнемъ мирѣ занимаетъ въ прежнемъ изданіи 50 стр., а теперь — около 100; постройкамъ, изобразительному искусству и драмѣ эпохи Кимона Бузольтъ въ новой передѣлкѣ удѣляетъ болѣе 50 стр., тогда какъ въ первомъ изданіи на это удѣлено только 16 стр. — Примѣчанія занимаютъ вообще еще болѣе видное мѣсто, нежели въ первомъ изданіи, и нерѣдко разрастаются до цѣлыхъ экскурсовъ.

О значеніи и общемъ характерѣ „Греческой исторіи“ Бузольта намъ уже приходилось говорить на страницахъ „Филол. Обозрѣнія“ (см. нашу статью „Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ“, IV 2, стр. 134 сл.); этотъ характеръ удержанъ и въ новомъ изданіи; а потому мы не будемъ повторять сказаннаго и коснемся лишь нѣкоторыхъ пунктовъ и вопросовъ.

Разсматриваемый III-й томъ начинается обзоромъ источниковъ, касающихся періода отъ основанія аттического морского союза до битвы при Евримедонтѣ. Здѣсь Бузольтъ говоритъ между прочимъ о степени достовѣрности „Аѣинской политіи“ Аристотеля. По Бузольту, какъ и по мнѣнію большинства новѣйшихъ изслѣдователей, главы у Аристотеля, посвященныя Пентеконтаэтіи (24—27, 41, 2), — неодинаковаго достоинства и основаны на двухъ различныхъ источникахъ. Достовѣрны извѣстія, которыя носятъ характеръ хроники, датированы по архонтамъ и которыя заимствованы изъ Аттиды. Совсѣмъ иначе обстоятъ съ оцѣнкой руководящихъ государственныхъ людей и всякими сомнительными исторіями о ихъ политической дѣятельности, равно какъ и съ общимъ представленіемъ о государственномъ развитіи Аѣинъ: тутъ Аристотель пользовался тенденціознымъ сочиненіемъ, вышедшимъ изъ кружка Θерамена (ср. Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen), которое безпощадно и зло нападало на демократическое преданіе и на прославленныхъ героевъ демократіи, и которымъ пользовался и Θεοпомπъ въ своемъ экскурсѣ объ аѣинскихъ демагогахъ, чѣмъ и объясняется сходство между нимъ и Аристотелемъ. Совпаденіе между послѣднимъ и Исократомъ въ свидѣтельствѣ касательно ареопага также объясняется тѣмъ, что здѣсь источникомъ Исократа былъ Θерамень (стр. 25 сл.). Что тенденціозное сочиненіе, легшее въ основу сообщеній Аристотеля въ отдѣлѣ Пятидесятилѣтіи, вышло изъ кружка Θерамена или вообще олигарховъ 411 г., или, по крайней мѣрѣ, было въ ихъ духѣ, это вполнѣ вѣроятно; но едва ли авторомъ его былъ самъ Θерамень; см. нашу „Аѣинск. Политію Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѣинъ“. Харьковъ 1895, стр. 255—7.

Труднѣе, по словамъ Бузольта (стр. 28 сл.), опредѣлить источники Плутарха въ біографіяхъ Аристиды, Кимона и Перикла. Не останавливаясь на ихъ перечисленіи, замѣтимъ лишь, что, по Бузольту, очень часто нельзя провести границы между собственною работою Плутарха и чужою, — замѣчаніе, съ которымъ нельзя не согласиться; стоитъ лишь припомнить многочисленныя нѣмецкія диссертации, посвященныя вопросу объ источникахъ той или другой Плутарховой біографіи, съ ихъ доходящими подчасъ до смѣшного попытками „für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen“, по выраженію Виламивица.

Белохъ въ своей „Исторіи Греціи“, I-й томъ которой имѣется и въ русскомъ переводѣ, считаетъ простымъ анекдотомъ извѣстный разсказъ Θукидида о протестѣ спартанцевъ противъ укрѣпленія Аѣинъ послѣ нашествія персовъ и о дипломатической хитрости, пущенной въ ходъ при этомъ Θемистокломъ; по его

словамъ, то обстоятельство, что до сихъ поръ повторяютъ этотъ разсказъ, лишній разъ показываетъ, какъ недостаточна наша критика Фукидида (I, 364, прим. 1, русск. пер.). Бузольтъ, наоборотъ, всецѣло принимаетъ его и говоритъ, что въ пользу своего утверждения Белохъ не представляетъ и тѣни доказательства (стр. 45, прим.).

И въ другомъ случаѣ обнаруживаетъ Бузольтъ довѣріе къ Фукидиду: въ новомъ изданіи онъ считаетъ достовѣрнымъ его показаніе, что первый, установленный Аристидомъ, форосъ равнялся 460 тал. Тогда какъ въ прежнемъ изданіи онъ говорилъ, что общая сумма первоначальнаго фороса намъ неизвѣстна, что этотъ форосъ не могъ равняться 460 тал., и принималъ мнѣніе Классена, что въ текстѣ Фукидида здѣсь вставка, — теперь онъ говоритъ, что упомянутой нормы по возможности придерживались до новой переоцѣнки въ 425/4 г., причемъ всякій разъ при новомъ обложеніи форосъ, сообразно обстоятельствамъ, различно распредѣлялся между городами, такъ что размѣръ дани большинства городовъ колебался и первые взносы были больше, чѣмъ послѣ 450 г. (стр. 78 сл.).

Съ именемъ Аристида прежде связывали законъ объ уравнианіи правъ всѣхъ аѣинскихъ гражданъ, объ открытіи доступа къ архонтству всѣмъ классамъ. О такомъ законѣ сообщаетъ Плутархъ (*Arist.*, 22). Но это противорѣчитъ свидѣтельству *Аѣн. Πολιτεία*, по которой оказывается, что зевгиты получили доступъ къ архонтству лишь съ 457/6 г. По Бузольту, самыя выраженія въ приводимой Плутархомъ псефизмѣ способны возбуждать сомнѣнія: *πολιτεία* была *κοινή* по меньшей мѣрѣ со времени Клисеена и употребленіе столь общей фразы въ псефизмѣ немыслимо; выраженіе *ἀρεῖσθαι* въ официальномъ изложеніи тоже было бы непримѣнимо. Псефизма составлена человекомъ, который, какъ Идомей, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній въ исторію аѣинскаго государственнаго строя, а поводъ далъ ему совѣтъ Аристида у Аристотеля, въ 24 гл. *Аѣ. пол.* Обоснованіе этого совѣта: *θαρροῦσας ἥδη τῆς πόλεως*, у Плутарха является лишь въ болѣе пространномъ видѣ, и заключительныя слова Аристотеля: *ἄρα γὰρ τοῦτοις ἀπὸ τῶν κοινῶν ἡ διοίκησις ἦν* (ср. также *τοῖς δὲ κοινὰ πράττουσι*) легко могли получить форму: *κοινὴν εἶναι τὴν πολιτείαν*. Точно также по Аристотелю выходило, будто всѣ перечисленные имъ *ἀρχαί* должны были быть доступны всѣмъ аѣинянамъ (стр. 31—32, прим.).

Какъ уже было упомянуто, совпаденіе свидѣтельствъ Аристотеля и Исократа относительно вліянія ареопага послѣ отраженія Персовъ Бузольтъ объясняетъ общностью источника, такъ что, по его мнѣнію, нельзя ссылаться на Исократа въ подтвержденіе извѣстія *Аѣ. пол.* о господствѣ ареопага. Онъ счи-

таетъ это извѣстiе большимъ преувеличеніемъ (стр. 27, прим.) и готовъ отвергнуть его: для реакціи противъ предшествовавшего развитiя демократіи тогдашнее положеніе дѣлъ вовсе не было благопріятнымъ; скорѣе слѣдуетъ думать, что рѣшительно демократическія стремленія постепенно пріобрѣтали почву, тѣмъ болѣе, что и руководящіе государственные люди,Themistocles и Аристидъ, несмотря на ихъ соперничество, оба принадлежали къ демократическому направленію (стр. 63). Но указаніе на усиленіе вліянія ареопага послѣ нашествія Ксеркса мы находимъ и въ „Политикѣ“ (1304a 17), и въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего неправдоподобнаго; не слѣдуетъ только его преувеличивать: одновременно съ ростомъ демократіи и вопреки общему ходу и направленію предшествовавшей исторіи Аѣинъ могло усиливаться и такое аристократическое учрежденіе, какъ ареопагъ; но его вліяніе было чисто нравственное; оно возросло фактически, а не de jure (*οὐδενὶ δόγματι λαβοῦσα τὴν ἡγεμονίαν*), вслѣдствіе болѣе или менѣ случайныхъ причинъ; оно было временнымъ и непродолжительнымъ (см. нашу „Аѣинскую Политику“, стр. 405—5).

Какъ и въ первомъ изданіи, Бузольтъ, подобно Кирхгоффу, различаетъ казну богини Аѣины и казну государственную, и такимъ образомъ расходится съ Белохомъ, который отстаиваетъ мнѣніе Бека о тождествѣ той и другой. Онъ признаетъ, что доводы Кирхгоффа поколеблены Белохомъ и Гольвердой, но въ пользу его мнѣнія онъ приводитъ другія, новыя соображенія, подробно развиваемыя имъ въ примѣчаніи на стр. 217 сл.

Главнѣйшимъ источникомъ Плутарховой біографіи Перикла Бузольтъ считаетъ Теопомпа, при чемъ въ новомъ изданіи онъ гораздо подробнѣе останавливается на ея анализѣ (стр. 237 сл.), чѣмъ въ прежнемъ. — Не отвергая, что введеніе платы судьямъ было дѣйствительнымъ средствомъ для пріобрѣтенія народнаго расположенія, Бузольтъ однако вполнѣ признаетъ всю необходимость этой мѣры, какъ неизбежнаго слѣдствія, вытекавшаго изъ принципа демократіи (стр. 263—4). Введеніе еѣорикона онъ приписываетъ Периклу, такъ какъ, подобно Виламовицу (см. Aristot. u. Athen, II, 213 сл., гдѣ онъ ссылается на работу своего ученика J. Christ'a) и нѣкоторымъ другимъ новѣйшимъ изслѣдователямъ (см., напр., ст. Розова въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1893, май), онъ теперь считаетъ ошибкой отождествлять еѣориконъ съ діобеліей (введенной, по свидѣтельству *Аѣ. Пол.*, Клеофономъ), какъ это было принято со времени Бека.

Говоря объ Эѣиальтовой реформѣ, Бузольтъ отмѣчаетъ то важное значеніе, которое получилъ совѣтъ Пятисотъ, „ставъ центральнымъ органомъ государственной жизни“ и занявъ мѣсто, принадлежавшее въ *πάτριος πολιτεία* ареопагу (стр. 270—275). —

Мѣтніе, высказанное между прочимъ и Бузольтомъ въ I-мъ изданіи его „Греческой исторіи“, — что номофилаки введены не въ эпоху Эфіальта, а составляютъ принадлежность Македонскаго періода, какъ извѣстно, нашло себѣ окончательное подтвержденіе въ полномъ молчаніи Аристотеля (въ „Аѳинск. Политіи“) объ этихъ номофилакахъ.

Вопросу о такъ-называемомъ „Кимоновомъ мирѣ“ Бузольтъ въ новомъ изданіи посвящаетъ болѣе 10 стран. (стр. 346—357). Сначала онъ очевидно склоняется къ тому, что между Аѳинями и Персіей былъ заключенъ формальный миръ. Правда, замѣчаетъ онъ, о немъ говорятъ впервые ораторы IV в. и ненадежный Эфоръ, при чемъ они не согласны между собою ни относительно времени заключенія мира, ни относительно его условий. О немъ нигдѣ не упоминаетъ и Фукидидъ, что удивительно, такъ какъ, согласно съ его собственнымъ заявленіемъ, онъ долженъ былъ бы упомянуть о немъ въ обзорѣ Пятидесятилѣтія. Но, возражаетъ Бузольтъ, столь же удивительно и то, что Фукидидъ ничего не упоминаетъ о заключенномъ съ Персіей договорѣ 423 г.; ибо, хотя договоръ этотъ и не оказалъ никакого вліянія на ходъ войны, но все-таки онъ былъ не безъ значенія для отношеній Аѳинъ къ новому царю, Дарію II. Вѣроятно, Фукидидъ въ виду договоровъ Спарты съ Персіей съ умысломъ обошелъ молчаніемъ то, что и аѳиняне — даже раньше еще лакедемоняны — заключили договоръ или договоры съ Персіей. Такимъ образомъ, по мѣтнію Бузольта, доводы, извлекаемые изъ молчанія Фукидида, теряютъ силу. Враждебныя дѣйствія сатрапа Писсуена и грозившее приближеніе финикійскаго флота во время самосскаго возстанія также мало доказываютъ; напротивъ, ясное указаніе на существованіе мирнаго договора Бузольтъ видитъ въ извѣстіи Фукидида о ведшихся между Аѳинями и Тиссаферномъ переговорахъ въ 411 г. Далѣе, по его словамъ, безъ формального мира едва ли могла бы развиваться въ началѣ Пелопоннесской войны живая, непосредственная торговля между Аѳинями и Финикіей, Египтомъ и другими областями Персидскаго царства; и Геродотъ не могъ бы совершить своихъ далекихъ путешествій въ Персію до Вавилона. Наконецъ, договоръ 423 г., по всѣмъ видимостямъ, былъ только возобновленіемъ болѣе ранняго договора (стр. 351—3). Большая часть этихъ доводовъ едва ли достаточно убѣдительна, и едва ли не вѣрнѣе былъ прежній взглядъ Бузольта въ первомъ изданіи, гдѣ онъ сомнѣвался въ заключеніи формального договора и признавалъ лишь существованіе мира фактическаго. Да и теперь, во второмъ изданіи, не много далѣе, на стр. 354—5, какъ бы впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, Бузольтъ говоритъ, что договоръ былъ лишь соглашеніемъ, по которому

царь обязался, что его корабли не будут плавать далѣе Фаселиса и Кіанейскихъ острововъ, а аѳиняне общали не предпринимать похода въ его владѣнія; что, такимъ образомъ, заключенный договоръ не былъ собственно мирнымъ договоромъ, а соглашеніемъ, которое подъ извѣстными условіями положило конецъ военнымъ дѣйствіямъ (ср. по поводу этого справедливыя замѣчанія Гольма въ рецензій, помѣщенной въ Berl. Philol. Wochenschrift, 1897, № 46).

Въ Перикловой дѣятельности Бузольтъ замѣчаетъ черты, аналогичныя съ Писистратовой: Периклъ, по его мнѣнію, былъ во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ Писистрата (стр. 470, 499). — Послѣ изгнанія Фукидида Алопекскаго съ Перикломъ, по словамъ Бузольта, совершилась перемѣна въ отношеніи къ народу; онъ сталъ инымъ: если прежде онъ вынужденъ былъ дѣлать уступки желаніямъ массы, то теперь онъ началъ дѣйствовать самостоятельно и взять бразды въ свои руки (стр. 498). — Говоря о строительной дѣятельности Перикла, Бузольтъ въ примѣчаніи (на стр. 444) цитируетъ замѣчаніе Виламовица: „Keine Spur führt darauf, dass für irgendeine Kunst eine Ader in ihm (Perikles) geschlagen hätte“ (Aristot. и Athen, II, 99), и находитъ его „къ сожалѣнію, вѣрнымъ“. На чемъ основывается такое мнѣніе, сказать трудно. Мы именно имѣемъ указанія на то, что Периклъ не относился индифферентно къ искусству. Достаточно сослаться на пышный расцвѣтъ при немъ искусства, на то, какое дѣятельное участіе принималъ онъ въ дѣлѣ украшенія Аѳинъ и на его отношенія къ Фидію, и хотя бы на слова Перикловой рѣчи у Фукидида: *φιλοκαλοῦμεν γὰρ μετ' εὐτελείας*.... (II, 40). Бузольтъ въ данномъ случаѣ оставляетъ свою обычную осторожность и осмотрительность и прибѣгаетъ къ натяжкамъ; чтобы лишить силы послѣдній изъ приведенныхъ аргументовъ, онъ говоритъ, что цитированныя слова относятся не къ официальному покровительству искусства, а къ украшенію частныхъ жилищъ; а по поводу отношеній Перикла къ Фидію замѣчаетъ, что обыкновенно эти отношенія представляютъ въ невѣрномъ свѣтѣ: Периклъ, какъ членъ комиссіи, имѣлъ, конечно, дѣло съ Фидіемъ; но при тогдѣшнемъ социальномъ положеніи художниковъ едва-ли можно допустить, чтобы знатный и сдержанный государственный чловѣкъ, который къ тому же не обнаруживалъ никакого особаго интереса къ искусству (!), сталъ на равную ногу съ ваятелемъ (стр. 467). Бузольтъ подробно останавливается (въ примѣчаніи) на процессѣ Фидія (стр. 460—466). Онъ считаетъ фактомъ лишь то, что Фидій, по окончаніи статуи Аѳины Дѣвственницы, вслѣдствіе доноса Менона привлеченъ былъ къ суду и осужденъ. Изъ противорѣчивыхъ показаній о процессѣ и послѣдней судьбѣ

художника, по его мнѣнію, оказывается самымъ правдоподобнымъ то, что Фидій въ 438/7 г., окончивъ статую Аѣины, получилъ приглашеніе отъ элидянъ, отправился въ Олимпію и по окончаніи тамъ статуи Зевса въ 433/2 г. возвратился въ Аѣины; вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ доносъ Менона относительно злоупотребленія съ слоновою костью; Фидій былъ арестованъ и умеръ въ темницѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторыя детали. Бузольтъ, слѣдуя мнѣнію Фуртвенглера, въ его „Meisterwerke d. griech. Plastik“ (1893) и вопреки обществу мнѣнію, отвергаетъ принадлежность статуи Аѣины Промакхосъ Фидію и приписываетъ ее Праксителю Старшему (стр. 450—1). Попытку Перикла созвать обще-эллинскій конгрессъ, по словамъ Бузольта, можно относить или къ 461/0, 460/59 или къ 449/8, 448/7; онъ принимаетъ 448 г. (стр. 446). Законъ 451/0 г. о правѣ гражданства Бузольтъ отличаетъ отъ пересмотра правъ гражданства по поводу присылки Псамметихомъ хлѣба въ Аѣины (стр. 500—502). Псефизму Калліа о порядкѣ уплаты долга „другимъ богамъ“ и объ организаціи центральной казны этихъ боговъ Бузольтъ, основываясь на ея содержаніи, относитъ не къ 419/8 г., какъ Бекъ и Белохъ, а къ 435/4 г. (подобно Кирхгоффу), и проч.

Въ общемъ, капитальный трудъ Бузольта, это незамѣнимое пособіе и настольная книга для всѣхъ занимающихся греческою исторіею, въ новомъ своемъ изданіи представляется по своему содержанію и громадному матеріалу еще болѣе богатымъ, чѣмъ въ первомъ изданіи.

В. Бузескулъ.

